

VIII

ТОЛЬКО ВПЕРЕД

... Утром, когда Алексей поднялся на мостик, трал уже был поднят и снова поставлен. Капитан расхаживал взад и вперед по рубке, угрожающе молчал и изредка бросал на палубу уничтожающие взгляды. Было видно, что он не спал всю ночь: лицо осунулось, а под глазами появились черные круги. Между тем на палубе матросы колдовали над ящиком, где – Алексей заметил – было довольно много рыбы, по крайней мере, она закрывала дно ящика в три слоя, но... это была не треска, трещинные хвосты только кое-где торчали из общей кучи.

– Смотри, окушков-то сколько, – радостно приветствовал старпом Алексея, – и зубатки полно...

Услышав это, капитан остановился, очень внимательно посмотрел на Геннадия Геннадьевича и ровным голосом, прямо глядя тому в глаза, произнес: «Вы бы поторопились, а то матросы всю рыбу разберут». После чего старпом молча удалился, а через пять минут уже катался по ящику, отбрасывая в сторону окуней покрупнее и в ту же кучу швыряя зубатку с такой проворностью, что матросы за ним просто не успевали.

– Значит, старпому мы суточный план выполнили, – это капитан сказал, уже обращаясь к Алексею, сказал как-то вяло, спокойно, не глядя в глаза, – трал поставили, курс выбрали в ту сторону, – он махнул рукой на восток, – осталось дело за тобой, иди всю вахту в этом направлении и не сворачивай, а если что – звони... – и ушел.

«Бог мой! Да это же значит, что мне доверили самостоятельную вахту!» – сердце третьего радостно забилося.

Алексей обошел мостик, посмотрел на приборы, оценил окружающую обстановку, удостоверился, что судно нормально держится на курсе, и уткнулся лбом в иллюминатор наблюдать за старпомом.

У старпома все получалось быстро и ловко. Он брал по одному окуню из большой кучи, которую уже успел накидать, тщательно его рассматривал и вязал за хвост на длинную низку, затем брал другого окуня и так далее, а непонравившихся окуней снова отбрасывал в ящик, где их тут же подбирали матросы и тоже вязали на низки. Когда это дело было закончено, старпом, еле волоча всю низку за собой, полез в трюм и вылез оттуда довольный, потирая руки. «Закопал в соль», – догадался Алексей. Теперь старпом принялся за зубатку: он ловко вспарывал ей брюхо и аккуратно вытряхивал икру в трехлитровую банку. Когда и это дело было закончено, старпом снова забрался в ящик и начал там что-то поднимать и внимательно рассматривать...

– Это он теперь ракушки ищет! – От неожиданного голоса Алексей вздрогнул и оглянулся. За спиной стоял Фомич.

– Вахтишь, значит? – он спрашивал просто так, глаза еще заspanные, видно, только что проснулся.

– А я и не заметил, что вы вошли, – Алексей оправдывался. – А зачем старпому ракушки? – Вопрос вырвался как-то сам, неожиданно.

– Жемчуг ищет. Ракушки-то – жемчужные, – Фомич говорил серьезно, не улыбаясь. – Когда-то кто-то нашел, а он теперь успокоиться не может, все ищет. Ему надо... – уже задумчиво произнес Фомич. Алексею показалось, что эту фразу он уже от кого-то слышал.

– А ты, значит, вахтишь, а мы, значит, плывем? – При этом Фомич зевнул.

– Плывем, значит.

– Хорошо. Пойдем, постоим на крыле, подышим воздухом.

Алексею вовсе не хотелось выходить на крыло, но и Фомича обижать не хотелось. Вышли на крыло. Фомич облокотился на планшир и уставился на воду. Минуты две он молчал и наконец произнес:

– Капитан, стало быть, спит после бессонной ночи, а мы, стало быть, плывем?

– Идем, – Алексей вдруг вспомнил флотскую поговорку о том, что плавают, а что ходит.

– Значит, мы идем, а чайки нас обгоняют? – Фомич снова зевнул.

Алексей мгновенно перегнулся через борт и в ужасе замер: чайки действительно плыли вдоль борта, еле шевеля лапками, и обгоняли судно. Вытаращив глаза, Алексей посмотрел на Фомича:

– Что это?! – он почти закричал. – Как это может быть?!

– Все просто, – сказал Фомич, снова зевая. – Никуда мы не плывем и не идем, а сидим на задеве. Фомич наконец оторвал свой взор от воды и, глянув в растопыренные глаза третьего помощника, засмеялся:

– А ты говоришь: плывем! А может, рыба потому и не ловится, что никуда мы не плывем? – И он снова захохотал, громко, от души. – А теперь вставай за руль, научу сниматься с задева. – И когда Фомич так засмеялся, у Алексея как-то отлегло от души: значит, это не страшно – сесть на задев, главное вовремя заметить.

– Руль право на борт! – скомандовал Фомич. Алексей сделал. Когда судно отошло градусов на сорок от курса, Фомич дал новую команду:

– Руль лево на борт! – Алексей снова выполнил.

Когда судно перевалило в другую сторону на сорок градусов, Фомич отдал еще одну команду:

– Выходи на курс! – И когда судно вышло на курс, добавил:

– Вот теперь идем! Ты – вперед! А я – досыпать. Счастливой рыбалки. – И ушел.

Больше Алексей не отвлекался. Все внимание сосредоточил на курсе, приборах и окружающей обстановке. Каждые пять минут выскакивал на крыло мостика смотреть, не сели ли на задев. Матросы доубирали немногочисленную оставшуюся треску и разошлись. На палубе стало тихо, в рубке монотонно гудели приборы.

– Вахтишь, значит?

Алексей от неожиданности даже подпрыгнул. Апполинарьевич! Лицо, как всегда, улыбающееся. А вопрос прозвучал как потайной смысл чего-то страшного.

– Что случилось?!

– Ничего не случилось. Наоборот, все очень хорошо. Вот, окуней сходил ошкерил. Мелковаты, правда. Вроде так много поднимали, и крупных видел, а когда вышел, гляжу – одна мелочь.

– Поздно вышли. Крупных разобрали.

– Старпом, небось? За ним не успеть, – Апполинарьевич тяжело вздохнул, – а вообще, нам много и не надо, так, с пивком иногда.

– Апполинарьевич, а почему мы окуней, или зубатку, или того же ерша сами не сдаем? Вот, дали нам план на двадцать тонн...

– Так ведь план дали на треску!

– Допустим, но
ведь тот, кто этот
план давал, знает,
что и окунь попада-

ется. Могли бы уцелеть...

– А зачем? У нас сейчас половина судов под окунем работает, им-то тогда что делать?

Ответ прозвучал настолько убедительно абсурдно, что Алексей умолк. Но молчал недолго:

– Выходит, те, что на окуне выбрасывают треску?

– Зачем «выбрасывают»? Едят!

– Понял. – И Алексей уткнулся в приборы.

– И чего ты там увидел? – Апполинарьевич тоже на всякий случай заглянул в приборы, но ничего не увидел и остался довольным. – Ладно, пойду, надо мочалку довязать, а то начал и все не могу закончить. – Ушел.

Еще минут пять Алексей смотрел на абсолютно белый самописец и наконец со словами: да черт с ними, все равно не убьют! – начал настраивать прибор.

Все сделал, как учили. «Белая линия», «ВАРУ», «Усиление» – Есть! Пишет! – Белая линия оторвалась от грунта, и над ней появилась серая щеточка – рыба. Так, а теперь, если подвернуть чуть вправо? Больше вправо? Еще больше! Есть! – Серая щеточка стала повыше и изменила цвет на черный. Глубина? Восемьдесят. Запомним! Но вот она опять стала меньше, а временами и вовсе стала исчезать. Глубина? Девяносто... Влево!... Еще левее!... Есть!... Щеточка увеличилась и почернела... Глубина? Восемьдесят! – Пошла, пошла работа. Даже азарт появился. У третьего помощника глаза заблестели. Влево! Вправо! Влево! Вправо! – Не помногу, по десять градусов. Судно все равно идет прямо, не сворачивая...

Сколько времени прошло? Час? Два? От прибора – на крыло, с крыла – к прибору, от прибора – к рулю. Мысль фиксирует: щеточка, чайки, глубина, курс... щеточки, чайки, глубина, курс... Не заметил, что навстречу все меньше стало попадаться тралфлотовских эр-тэшек, а на горизонте справа и слева нарисовались силуэты больших кораблей: БМРТ – большие морозильные рыболовные траулеры.

Алексей схватил бинокль: да на каком горизонте?! Вот они, совсем рядом. И справа, и слева, и идут навстречу друг другу как раз поперек курса «Пингвина». Оторвался от бинокля, побежал по

мостику с крыла на крыло: нет, не рядом, они еще далеко. Можно успеть развернуться, можно просто повернуть на девяносто градусов и идти параллельно с ними. Можно. Но приказ был – прямо!...

А самописец все пишет! И чем дальше, тем больше! Можно позвонить капитану и предупредить, что пройти не сворачивая невозможно, пусть сам решает. А почему невозможно? Они еще далеко. «Пингвин» ведь тоже не стоит на месте... или стоит?! Нет, не стоит! Идет вперед. А они далеко. Но у них скорость больше, чем у «Пингвина», а значит, совсем скоро они будут рядом... Так... Рядом...

Прикинем... Рассчитать бы... Кажется, проскочим... Проскочим? А армада все ближе... Как быстро надвигается армада!... А может, все-таки развернуться?

Развернуться?! Нет, вот теперь уже, кажется, поздно... Теперь остается только вперед!... А самописец все пишет! Пишет! Глубина? Восемьдесят!

– «Пингвин» – «Граду»!

– На приеме!

– Вы знаете, какие в нашей группе рекомендованные курсы?

Снова схватил бинокль. Так... «Град» слева... Ближайший... Остальные – за ним. Если с «Градом» разойтись удачно, то с остальными будет легче. А те, что справа? Они чуть поотстали... Значит, должен успеть! Еще немного вперед, и почти все окажется у «Пингвина» на траверзе! И только «Град»... Эх ты, чертов «Град»! Он настолько уже близко, что, даже оказавшись у «Пингвина» за кормой, будет создавать опасность сцепления тралов, если, конечно, не отвернет...

– Нет, не знаю, мы не из вашей группы.

– Я и сам вижу, что не из нашей! А какого черта вас сюда занесло? Отворачивайте! Немедленно отворачивайте!

Алексей вдохнул побольше воздуха и как можно тверже выпалил:

– Я никуда не отверну! Я вам не мешаю! И вы мне не мешайте!
– сказал и замер.

На «Граде» несколько секунд соображали. Эти секунды показались длиною в час. Наконец в динамике затрещало:

– Ладно, самоубийца, считай, что на этот раз тебе повезло только потому, что сегодня связываться с мелюзгой неохота.

– До связи, – миролюбиво закончил Алексей. И вдохнул полной грудью, почувствовав облегчение, и в тот же момент заметил, что и руки, и ноги дрожат. Считай, проскочили. Снова схватил бинокль. «Град» отвернул вправо. Теперь уж точно проскочили!

За кормой «Пингвина» медленно начала смыкаться вражеская армада. Почему «вражеская»? Не ты ли мечтал о БМРТ, который ходит за границу? Так что здесь, считай, все свои. Свои...

– Так. Где мы находимся? – Капитан. Выспавшийся, повеселевший. Не вошел, влетел. За ним – Фомич. Один – на одно крыло, другой – на другое. Алексей сделал вид, что уткнулся в приборы, а сам смотрит за ними. На крыльях оба замерли, смотрят в корму. Капитан еще головой потряс, проверяя, проснулся или нет...

Один с восхищенным взглядом, другой с выпученными глазами снова влетели в рубку:

– Что это было?! – Капитан.

– Так... – Алексей пожал плечами.

– Почему меня не разбудил?!

– Я не знал, что вы спите... – Это была полуправда. О том, что капитан пошел спать, он в известность не поставил.

Минуту капитан молчал.

– А почему не позвонил?!

И тут Алексей не выдержал. Сказалось долгое напряжение. Повысил голос, но произнес твердо:

– А разве я нарушил ваше распоряжение? Прошел, как было приказано. Прямо, не сворачивая!

Фомич, до этого молча наблюдавший картину, заулыбался, решил разрядить обстановку:

– Да ладно. Все нормально. Справился.

– А это мы сейчас увидим! А если там трапа уже нет?!

– Есть! – твердо сказал Алексей.

А капитан уже в прибор смотрит, смотрит и ничего не понимает:

– Кто здесь крутил? Здесь не так было!

– Я.

– А кто разрешил?! Я же предупреждал...

– Я разрешил. – Апполинарьевич, только вошел, а сразу все понял и говорит тихо, спокойно: – Я его попросил: покрути, Алексей, настройку по-своему, для нас прибор новый, мы еще не разобрались, а вы в мореходке проходили...

Капитан подбежал к «Брезке»:

– Подъем трала! Срочно подъем трала! – и к Алексею: – Убью-у-у!

Алексей повернулся, пошел в штурманскую писать журнал, время-то уже кончилось, четыре часа пролетели – и не заметил. Фомич тронул за рукав, взглядом дал понять, что все нормально, не переживай, мол.

– А мне все равно, – вслух произнес Алексей, – осталось чуть больше двух недель, дотерплю.

– Не смей писать журнал! – в спину голос капитана. – Напишешь, когда трал поднимем или что от него осталось!

«Черт с вами!» – подумал. Пошел обедать.

Ел молча, не торопясь, низко опустил голову к тарелке.

Подсел Кузьмич, спросил участливо:

– Что такой хмурой? Случилось что?

Помотал головой: нет, ничего не случилось, просто устал. Кузьмич понял, отсел.

Ел и слушал, как визжат ваерные лебедки, как цепляют доски. Уже и обед кончился, и юнга Костя все убрал со стола, а Алексей все сидел, опустив голову и уставясь в одну точку.

– Вот ты где?! – Фомич. Глаза расширенные, смотрит удивленно, – А я тебя везде ищу. Капитан зовет, пойдем.

Поднялся нехотя. Поплелся за Фомичом. На ходу спросил:

– Что там с тралом?

– Хреново. Еле подняли. Ну ты дал... – О чем он? Не понял.

На мостике капитан с ходу:

– Где ты ходишь, ищем тебя. Собирайся на подвахту. Нож у старпома получи, рокон-буксы, чтобы как положено. И моториста с собой бери. Народу пока хватит, а остальных я потом вызову. – И

вдруг совершенно другим, веселым голосом: – А прав я был, когда сказал: не сворачивай! Прав?! – И только тут Алексей поднял глаза, посмотрел на капитана – улыбается. Подошел к иллюминатору, заглянул в ящик и глазам своим не поверил: полный ящик трески! Вся крупная, одна к одной.

И мир вокруг как будто переменялся. А вокруг все улыбаются: и Апполинарьевич, и Фомич.

– А я, пожалуй, тоже на подвахту пойду, хоть мне и не положено! – Апполинарьевич хвост распушил. И Алексей заулыбался:

– Ну, я пойду?

– погоди. – Капитан снова сделал суровое лицо. – Я хотел посоветоваться. – Тут он на секунду запнулся. – Короче, нам обратно через эту группу уже не пройти, надо обходить, но обходить будем с тралом. Как думаешь: лучше взять мористее или ближе к берегу? – Смотрит серьезно.

– Ближе к берегу.

– Почему?

– Я видел, там работают два сейнера-живорыбника. Звал их несколько раз, но они не отзываются. Вот я и спрашиваю себя: почему? Они ж всего на сутки выходят, какой им смысл на безрыбье болтаться? Я был к ним ближе всех, если бы у них не было рыбы, то не я бы их, а они бы меня звали, верно? И еще: я заметил, что на восьмидесяти метрах лучше всего писало...

– Молоток! Соображаешь. А теперь иди учишь рыбу шкерить. Мы дальше уже без тебя разберемся. – Но и последнюю фразу капитан сказал незлобиво, скорее дружелюбно.

Получив у старпома все, что было положено, Алексей вышел на подвахту.

За длинным деревянным рыбоделом стояли три матроса, моторист Мироныч, начальник радиостанции Апполинарьевич, добровольно вышедший на подвахту, и мастер лова Сережа. В ящике работал матрос-солдат азербайджанец Алик, который подавал рыбу на рыбодел прямо под голову руб мастеру лова. Работа уже кипела.

Алексей занял место с краю, последним в ряду, как раз рядом с Апполинарьевичем.

– Умеешь шкерить? – весело поинтересовался радист.

– Учился на практике.

– Тогда поехали!

И поехали. Алик еле успевал подавать рыбу. Семь человек за рыбоделом разделявали ее моментально.

– Смотри, – говорил Апполинарьевич Алексею, не переставая шкерить, – брюхо – р-раз! Кишки – в сторону! Рыбу – в корзину! Печень – в бочку! Раз! В сторону! В корзину! В бочку!

Алексей это умел. И делал это быстро. И сразу включился в работу. И старался не отставать, по крайней мере, от Апполинарьевича. А вскоре уже и азарт появился, как на мостике. Раз! В сторону! В корзину! В бочку! Раз! В сторону! В корзину! В бочку! Хо-ро-шо! Кровь! Кишки! Печень! Кровь! Вжик! Кишки! Печень! Кровь! А из-под головуруба мастера лова, как стружки, отлетали рыбки головы: ха! ха! ха! ха!

Мастер должен обеспечить бесперебойной работой шесть человек: ха! ха! ха! ха!

А матрос Алик – подающий, он должен обеспечить семь человек. За каждой рыбиной – вниз! Значит: Сел! Взял! Встал! Положил! Не просто положил, а рыбьей головой – к мастеру! Тому переворачивать некогда... Сел! Взял! Встал! Положил! Сел! Взял! Встал! Положил! Сел! Взял! Встал! Положил!.. Сколько прошло? Полчаса? Час?.. Сел! Взял! Встал! Положил! Ноги устали? А зачем приседаешь? Нагнись! Так: Наклон! Взял! Поднял! Положил! Наклон! Взял! Поднял! Положил! Наклон! Взял! Поднял! Положил! – Работа – фигня! Думать – не надо! Наклон! Взял! Поднял! Положил!.. Сколько прошло? А зачем спрашиваешь? Спина устала? Устала?! А всего-то час прошел! Давай по новой: Сел! Взял! Встал! Положил! Сел! Взял! Встал! Положил! Сел! Взял! Встал! Положил!.. Сколько прошло?.. Мало прошло! Пусть и спина, и ноги отдохнут – крюк бери! Его же не для дураков, его же для умных положили! Вот так: За-це-пил! Хоп! За жаб-ры! Хоп! Под-нял! Положил! А треска большая! Оч-чень боль-шая! И тя-же-ла-я! Ох, тя-же-ла-я! Вниз! Вверх! Вниз! Вверх! Вниз! Вверх!.. Лег-ко! Понять!

– Шевелись, сука! – это мастер лова Алику. – Люди уже стоят! Шевелись!

Вниз! Вверх! – Вниз! Вверх! – Вниз! Вверх! – Вниз! Вверх!

– Убью, сука! Быстрее!

Вниз! Вверх! – Вниз! Вверх!...

– Все! Нэ могу больше... Нэ могу... – И Алик упал на четвереньки на эту треску, – Нэ могу... – Плечи у него затряслись.

– Что-о?! Не можешь?! А ты думал, здесь деньги ни за что платят?! – И мастер Сережа мгновенно перемахнул через борт ящика, схватил Алика за грудки, приподнял. – Я говорил, что голову отхерачу?! Говорил?!

– Говорыл...

– Подавай, сука! – И мастер снова вскочил на свое место, схватил головуруб. – Подавай!

И Алик поднялся, сделал шаг вперед и... рухнул на рыбодел:

– Рубы! Рубы, гад... нэ могу больше...

И все замерли. И мастер лова на мгновение замер. И все увидели, как пульсирует жилка на шее у Алика. И все увидели, как молнией сверкнул головуруб мастера лова где-то вверху и вонзился в рыбодел рядом с головой матроса-солдата. И все до этого затаившие дыхание вздохнули облегченно. А мастер лова – уже в ящике. Алика оттащил в сторону. Орет:

– Миша! За головуруб! – И сам начал подавать рыбу.

Вверх! Вниз! – Вверх! Вниз! Вверх! Вниз! – Пошла работа! Теперь пять человек еле успевали убирать рыбу с рыбододела... Еле успевали... успевали...

Четыре часа пролетели незаметно. Трески в ящике осталось немного, когда с мостика раздалась команда:

– Подъем трала!

Матросы и мастер лова бросили ножи и головуруб, начали поднимать трал.

Моторист Мироныч залез в ящик, стал выбрасывать оттуда окуней, которые хоть и в малом количестве, но опять попали в прилов.

– А ты, Алексей, окуней начал вялить? – Улыбающийся Апполинарьевич.

– Нет еще...

– А давай я тебе помогу! Залезай в ящик, бросай их сюда, а я буду привязывать.

Только Алексей влез в ящик, как почувствовал, что что-то крепко сдавило его пятку. Посмотрел – глазам не поверил: огромная зубатка впиалась в сапог. Приподнял ногу, тряхнул, но не тут-то было! Схватил крюк, ударил рыбину по голове: тщетно!

Апполинарьевич аж затрясся от смеха:

– Ох не умеешь ты с зубатками обращаться, ох не умеешь! Они же ласку любят! – Сам влез в ящик, взял большую лопату и засунул ее черенком зубатке в анальное отверстие.

Зубатка начала яростно извиваться.

– Смотри, балдеет! Во, балдеет! Как баба!

Зубатка отцепилась от сапога, продолжая извиваться.

– Вот умора! – хохотал Апполинарьевич. – Ну, как баба!

Наконец ему это надоело, он оставил зубатку в покое и схватил первого попавшегося пинагора – большую рыбу, похожую на лягушку:

– Ну что, пинагор? Покурим? – Это Апполинарьевич сказал, глядя в мутные рыбы глаза. – Алексей, ты видел, как пинагоры курят? Не видел?! Щас покажу. Дайте закурить! Дайте кто-нибудь закурить!

Миرونч достал папиросу, протянул. Апполинарьевич потребовал и спички.

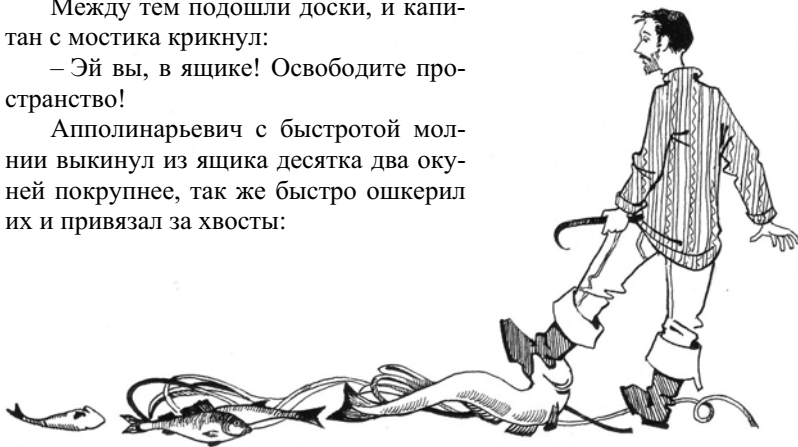
– Алексей, ты куришь? И правильно! А эта сволочь курит! – И Апполинарьевич, прикурив папиросу, сунул ее рыбе в рот, и та сразу начала делать сосательные движения, при этом пуская кольца дыма.

– Во дает! – заливался Апполинарьевич. – Курит, как баба! Во, дает!

Между тем подошли доски, и капитан с мостика крикнул:

– Эй вы, в ящике! Освободите пространство!

Апполинарьевич с быстротой молнии выкинул из ящика десятка два окуней покрупнее, так же быстро ошкерил их и привязал за хвосты:

– Пошли, Алексей, в соль закапывать. С почином тебя! В следующий раз икру солить будем!

Через полчаса подняли трал. Вологодскую кошелку с гаком. Началась нормальная жизнь...

Она будет продолжаться еще две недели: переходы и траления, уловы и проловы, спуски и подъемы, задевы и зацепы, окунь и треска, ракушки и мочалки, плавбазы и «печеночники», да много чего еще будет. А главное, что впереди еще будут дни: радостные, горестные и банные...

IX

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ми семьсот двадцатый «Пингвин» полным ходом идет по Кольскому заливу.

Погода – ясная. Светит незаходящее полярное солнце. Настроение – праздничное: еще бы! Судно возвращается домой после двадцатидневного рейса! Не просто возвращается: судно выполнило и перевыполнило план!

«Мы план выполнили!» – это как визитная карточка, как знак качества настоящего моряка и рыбака. «Мы план выполнили!» – скажет моряк, придя в свою береговую службу, а там оценят: «Не зря мы вас посылали и надеялись на вас!»

«Мы план выполнили!» – мяукнет моряк дома за столом в кругу друзей и знакомых, и те засмеются: да видим, видим, что вернулся!

«Мы план выполнили!» – скажет захмелевший рыбак в кабаке, и засуетятся официантки: человек с моря пришел, гулять будет!

Мы план выполнили!

Ровно в восемь утра, когда Алексей заступит на вахту, «Пингвин» бросит якорь в Кольском заливе на Северном рейде. Это уже